

Карелия

Над лесом, над озерами
Взлечу, как птица, я.
Волнуешь ты просторами,
Карелия моя.
Здесь в Белом море радугой
Цветет седой прибой,
Здесь гладит скалы Ладога,
И мне легко с тобой.

Здесь Кижское творение
В онежской чистоте
Стоит, как откровение,
В молитвах о Христе.
Здесь северной жемчужиной
Сияет Валаам,
С тобой, моею суженой,
Все в жизни пополам.

Здесь песней заонежскою
Грустит былинный край...
Земля святая, грешен я,
Прости меня и знай,
С тобой хочу быть рядышком
Под небом голубым...
Ты дочь России матушки,
Ты часть моей судьбы.

Край озерный

Край озерный. Север дикий.
Сизый иней. Холода.
Кисть поникшая брусники.
Потемневшая вода.
Тишь на клюквенном болоте.
Опустившаяся хмарь.
Вздрогну, если вдруг на взлете
Прогремит крылом глухарь...
Иль замру, твустя невольно,
Слыша оклики людей
В поднебесных, колокольных
Причитаньях лебедей...

Замер лес...

Замер лес над опавшим листом,
Сброшен на пол лоскутный армяк.
Снежной кочкой застыл под кустом
Посветлевший к предзимью беляк.

Сеет пылью холодный туман,
В мелких каплях кустов седина.
Провожая гусей караван,
Причитает надрывно желна.

Клин за клином плывет в вышине,
Рассыпая отчаянный крик:
Видно, лес через несколько дней
В белой пудре наденет парик...

Как люблю я в промозглую рябь
Всеми фибрами чувствовать лес,
Пить глазами усталую хлябь
Этих низких октябрьских небес,

Слушать рябчика звонкую трель,
Замирать под залиvistый свист
И, в охотничью дунув свирель,
Ждать, когда отзовется солист.

Хорошо у костра отдохнуть,
Греть чай у озерной косы,
И опять лист опавший топтать
Может, в лучшие жизни часы.

Старое костровище

Налетели, скуля, ветра.
Одиноко. Тоскливо. Пусто.
Чёрным глазом глядит «вчера»,
Голой веткой моргая грустно.

Паутинится дней быльё,
Память нить в лабиринте ищет...
Я случайно нашёл своё,
Очень старое костровище.

Я увидел так ясно, вдруг,
Как потухшую сигаретку
Мой навечно ушедший друг
Зажигает костровой веткой,

Как смеётся, кормя собак,
А в ночи говорит о звёздах...
Шапку тискает в хруст кулака,
Взгляд упёрся в ноябрь морозный.

Сыплет стужа снежком седым,
А я слышу, как друг, без злобы,
Всё ворчит, отгоняя дым,
Мол, здоровье отнял Чернобыль...

Вот и новый огонь дрожит,
Лижет пламя снежинок стаю.
И снежинки летели жить,
А приходится просто таять.

Ох, не спится, а в путь с утра,
Растревожила память чувства.
Как живое, глядит «вчера»,
Огоньками моргая грустно...

Лежневка

Туча кружит черной цаплей,
Ночь осенняя темна.
Словно плети, хлещут капли
По лежнёвке в два бревна.
Эх, фонарик мой убогий -
Луч пугает черноту...
Темнь. Ветер. Дождь. А ноги
За верстой берут версту.
Разыгралась непогода.
Ни избушки, ни огня.
Лишь лежнёвка скользким бродом
Сквозь тайгу ведет меня.
Дождь унылым водопадом
Льётся в чёрный коридор.
Упираюсь всюду взглядом
В серый струйчатый забор.
Дождь опутал мелкой сеткой,

Сергей Ворошилов

Проживает в Петрозаводске (Республика Карелия). Кандидат технических наук, заслуженный изобретатель Республики. Кроме поэзии увлекается охотой, спортом. Стихи печатались в альманахах, сборниках, периодике. Член МСП «Новый Современник».

Дождь мурлычет в сапогах,
По лицу стегает ветки,
И шумит водой тайга.
Мне бы к печке, да в избушке
Стопку водки в тишине...
Ночь. Лежневка. Дождь лягушкой
Вниз сползает по спине...

Север, это просто.

След звериный скрыл распадок,
схоронил от глаз надежно.
Север полон, брат, загадок.
Север... Север это сложно.

Хорошо вдыхать прохладный
день осенний, дух ядреный,
слушать вой ветров надсадный
о земле непокоренной.

Я ползу по мари топкой,
вверх иду тропой скалистой,
где уперлись в небо сопки -
по ушедшим обелискам,
по безвестным, кто упорно
подбирал ключи от тайны
синеокости озерной,
кто открыл сей край бескрайний,

кто познал и лес, и поле,
но хлебал нужду без хлеба,
кто обрел покой и волю
под белесым этим небом.

Там последние причалы
для карелов и поморов...
Нет у севера начала.
И конца нет. Лишь просторы.

Ты куда, смешной народен?
Не забудь, смотри, про реверс!
За экстримом в пику моде?
Знай, к ногам не ляжет север...

Ласков будет он, иль грозен,
но тебе не выдаст тайну ...
Я ж спешу за Хирви-лосем,
как веселый Лемминкяйнен.

И гудят ветрами скалы,
и шумят ветвями сосны
мне секреты Калевалы...
Север... Север это просто.

Бивак

Разыгралось, распылалось,
Жаром дунуло смолье.
Забирай, бивак, усталость.
Эх, походное жильё...
Звёздной ночью, куропаткой,
В снежный лес зарылся я.
В котелок косит украдкой
Лайка верная моя.

Белый стих лесов читая,
Пьёт морозец чёрный нос,
Да приветливо играет
На спине колечко-хвост.
Мечут искры озорные
Зеркала раскосых глаз.
Друг такой в часы ночные
Не сбежит и не предаст.

Бродим мы, два непоседы,
Ищем счастье средь лесов,
Делим радости и беды,
Делим хлебушка кусок
И костёр, что третьим другом
Согревает нас в снегу.
Ночь. А тени полукругом,
Рыщут, скалясь на бегу...

Медведь

Калёным лезвием задело,
И стал язык шершав и сух,
Когда собаки озверело
Берлоги прихватили дух.

Внезапно выросло виденье,
Роняя ключьями кухту*,
И в бездну рухнуло мгновенье,
И сердце билось в пустоту.

Жизнь спряталась в ружейной стали,
В галоп пустился мыслей бег,
А злые пуговки искали,
Где слился с лесом человек.

И глаз посажен был на мушку.
Успеть бы... Нет назад пути.
Был шёпот «выручай старушка»,
И выстрел метров с двадцати...

И падал снег немой, пушистый,
Слегка вьюжило и мело.
И лес вздохнул тревожно-чистый...
Ну что ж, мне больше повезло.

Медведь скогтил простор морозный,
Подмяв колючую постель.
Он уходил с оскалом грозным
В другую, вечную метель.

Растерзали собаку волки

Растерзали собаку волки.
Смокла песня в разгаре гона.
Резанул по груди осколком
Вопль собачий с мольбой и стоном.

Всё поняв, так спешил охотник
На подмогу, стреляя в воздух,
Что одежду порвал в лохмотья,
Спотыкался... Но поздно, поздно...

Строчка гона и кляксы крови.
Жирной точкой молчит ошейник,
Тот, защитный, цвета моркови,
Где измятый сник можжевельник.

Будто камень упал на сердце,
Взвыл по-волчьи осенний ветер,
Ущипнуло за горло перцем.
Ох, не мило ничто на свете...

Тянут гуси в небесных лужах,
Отзывается больно плач их.
А охотник лишь видит ужас
В одиноких глазах собачьих.

Вспоминает щенка смешного,
Как тот ласково лижет руку,
Как впервые подлаял косога,
Постигая отцов науку.

Сколько было в собаке страсти,
Как звенели от песен зори.
Поздно. В тучу багряной масти
Село солнце. Эх, горе — горе...

И прощальный салют дулетом
Горсть хвоянок срывает с сосен.
Плачет жалобно сойка где-то,
Да роняет слезинку осень.

Барабанит дробь дятел-плотник.
И грустит о былом округа...
Одинокий стоит охотник.
Потерял он сегодня друга.